

70

В 1964 году вся наша страна, все прогрессивные силы мира отмечали историческое событие — XX годовщину снятия блокады немецко-фашистскими войсками города Ленина. Партийная и профсоюзная организации и сотрудники Ленинградского Отделения Института Народов Азии АН СССР на личные средства изготовили мемориальную доску, посвященную светлой памяти сотрудников Института востоковедения АН СССР, погибших на фронтах Великой Отечественной войны и в дни блокады Ленинграда.

Готовясь к знаменательной дате 50-летию Великой Октябрьской Социалистической революции, партийное бюро ЛО ИНА приняло в 1965 году решение: в дополнение к мемориальной доске составить "Памятную книгу" и привлечь к участию в её составлении сотрудников Отделения и других учреждений, знавших погибших ученых.

На этот призыв партийной организации горячо откликнулись коллеги, работавшие вместе с теми, чьи имена золотом высечены на мемориальной доске, а также и молодые ученые. Так возникла эта книга, рассказывающая о людях, их труде, мужественном поведении в тяжелые годы войны и достойно выполненном ими долге.

КАЗИН
ВСЕВОЛОД НИКОЛАЕВИЧ
(1907-1942)

Талантливый китаист-историк В.Н. Казин окончил в 1934 г. Ленинградский историко-филологический лингвистический Институт (ЛИФЛИ) и осенью того же года был принят в аспирантуру Эрмитажа, а позднее зачислен научным сотрудником Отдела /тогда еще Сектора/ Востока. Человек выдающихся дарований, он был, по мнению своего учителя - академика Василия Михайловича Алексеева, лучшим в мировой науке наших дней знатоком китайских исторических текстов. Одаренный феноменальной памятью и глубоким, подлинно историческим мышлением, Всеволод Николаевич свободно пользовался китайскими первоисточниками, а также научной литературой на всех основных европейских языках. Он знал блестяще социальную и культурную историю любой страны, не исключая Гаити или Бретани, стран Востока и Запада с глубокой древности и до настоящего времени, художественную литературу и памятники искусства. Не менее глубоко и серьезно был он знаком с творениями классиков марксизма, которые изучал в подлинниках, никогда не ограничиваясь лишь тем, что рекомендовалось тогдашней учебной программой.

Пожалуй, самой характерной чертой Всеволода Николаевича была его совершенно беспощадная требовательность к себе во всем, что касалось науки. Он относился строго и до щепетильности добросовестно ко всякой порученной ему работе и требовал такого же отношения от окружающих. Как ученый, он ничего не принимал на веру. Многократно и детально проверял все данные, чтобы быть уверенным в основательности своих выводов.

Это качество, несомненно ценное для исследователя, в его жизни, оборвавшейся слишком рано, сыграло до некоторой степени роковую роль, так как завершена и опубликована им была лишь ничтожная часть того, что он мог и хотел сказать. Именно это больше всего мучило его, когда истощенный, еле двигаясь и чувствуя близкую гибель, он еще пытался продолжать свою любимую работу в бомбоубежище Эрмитажа.

Основной темой его исследований была монгольская эпоха, изучению которой, в первую голову, по китайским источникам, была посвящена его кандидатская диссертация /не была защищена, осталась незаконченной и рукопись ее утрачена/. С этой темой связаны также статья "Взаимоотношения Золотой Орды и Китая", доложенная на научном заседании Отдела Востока в конце 1940 г. и вызвавшая большой интерес в среде специалистов /машинописный текст этой статьи, объемом около 1,5 п.л. хранится в архиве ИНА, фонд 133/, блестяще выполненный перевод с китайского языка исторической хроники Шен-у Цинь Лу /машинописный текст, объемом около 1 п.л. хранится там же/, и посмертно опубликованная в "Трудах Эрмитажа" статья "К истории Хара-Хото", "Труды Гос.Эрмитажа", т. У, Л., 1961, стр. 273-285/.

В 1939 г. Всеволод Николаевич стал заведующим отделением Дальнего Востока и Центральной Азии Отдела Востока. В это время им была методически выработана и осуществлена впервые в Эрмитаже выставки истории искусства и культуры Китая. Это был огромный и выполненный на самом высоком уровне научный труд. Основные его положения были изложены В.Н. Казиным в краткой заметке "Выставка культуры и искусства феодального Китая", напечатанной в первом номере "Сообщений Эрмитажа".

Вполне зрелой научной работой, представляющей несомненный интерес для специалистов, является и дипломное сочинение В.Н. Казина, представленное им при окончании ЛИФЛИ /в 1934 г./ - "Юн-ло да дян", дающее подробное описание этого уникального Литературного памятника, его историю, историю и критику его изучения в Европе и в Китае /машинописный экземпляр этого сочинения объемом около 2 п.л. хранится в Архиве ИНА, фонд 133/.

В повседневной жизни Всеволод Николаевич был очень своеобразным и подчас производил впечатление большого чудака, иногда он казался суровым и угрюмым, к внешности своей был совершенно невнимателен, однако все, кому довелось узнать его ближе, все его товарищи и однокашники знали отлично его остроумие, доброту и чуткость ко всему подлинно прекрасному. Эти качества привлекали к нему молодежь и подростков, с которыми он находил общий язык, быть может, потому, что был с ними всегда искренен и говорил как с равными, щедро делясь огромными знаниями и духовным богатством, которыми владел.

Смерть этого необыкновенного человека и блестящего ученого, едва лишь вступившего на порог своей творческой жизни, безусловно, одна из самых тяжелых утрат, понесенных нашим коллективом в страшную зиму ленинградской блокады.

И сейчас, и, наверное, еще много лет спустя, перечитывая те немногие строки, которые Всеволод Николаевич нам оставил, или встречая

пометки, сделанные на полях принадлежавших ему книг, мы будем пользоваться его наблюдениями и следовать его мыслям.

Н.В. Дьяконова